

н. 13.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ВЫПУСКЪ XIII-й.

БЫЛИНЫ.

Былины про старшихъ богатырей. — Былины кievскаго и новгородскаго цикловъ. — Духовныя стихи. — Историческія пѣсни. — Восемь объяснительныхъ статей.

Изданіе И. Глазунова.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Грофимъ Григорьевичъ Рабининъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 3.

1893.

РУССКАЯ КЛАСНАЯ БИБЛЮТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

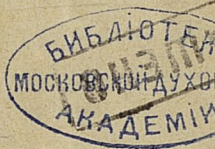
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XIII-й.

БЫЛИНЫ.

Былины про старшихъ богатырей. — Былины кievскаго и новгородскаго цикловъ. — Духовные стихи. — Историческія пѣсни. — Восемь объяснительныхъ статей.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1893.

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается;
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
„Какъ бы я тяги ¹⁾ нашель,
„Такъ бы я всю землю поднялъ!“
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку,—она не скря-
нется,
Двинетъ перстомъ ее,—не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою,—не подыметъ!
„Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,
„А эдакова чуда не наѣзживаль,
„Такова дива не видываль:
„Маленькая сумочка переметная
„Не скрянется, не сворохнется, не подыметъ!“
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма ²⁾ руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течеть.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и конченіе.

4) Святогоръ и Илья Муромецъ.

Во славномъ городѣ во Муромѣ
Во селѣ было Карачаровѣ,
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,

¹⁾ „Святогоръ ищетъ „тягу земли“, тяжесть равную землѣ, равно-
сильный рычагъ, чтобы повернуть всю землѣю“.

²⁾ Обѣма руками—двойств. число.

Сиднемъ сидѣль цѣло тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія ¹⁾,
Подъ тое окошечко косящето,
Говорять калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!
„Отворяй каликамъ ворота широкія,
„Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ“.
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
„Ай же вы, калики перехожія,
„Не могу отворить воротъ широкихъ,
„Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
„Не владаю ни руками, ни ногами“.
Опять говорятъ калики перехожія:
„Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
„Отворяй-ка ворота широкія,
„Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.“
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ“.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося.
Воспроговорятъ калики таковы слова:

¹⁾ Калики перехожіе — калѣки, странствовавшіе по святымъ мѣстамъ, нищіе.

„Что чувствуешь въ себѣ, Илья?“

Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

„Слышу въ себѣ силушку великую“.

Говорятъ калики переходя:я:

„Будешь ты, Илья, великій богатырь,

„И смерть тебѣ на бою не писана.

„Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ

И со всею поленицею¹⁾ удалою;

„А только не выходи драться

„Съ Святогоромъ богатыремъ:

„Его и земля на себѣ черезъ силу носить;

„Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:

„У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ,

„Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:

„Его любитъ матушка сыра земля;

„Не ходи ещё на Вольгу Сеславыча:

„Онъ не силою возьметъ,

„Такъ хитростью-мудростью.

„Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,

„Выходи въ раздольице чисто-поле,

„Покупай перваго жеребчика,

„Станови его въ срубъ на три мѣсяца,

„Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,

„А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,

„Ты по три noci жеребчика въ саду поваживай,

„И въ три росы жеребчика выкатывай,

„Подводи его къ тыну ко высокому:

„Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать

„И въ ту сторону, и въ другую сторону,

„Поѣзжай на немъ, куда хочешь,

„Будетъ носить тебя“.

¹⁾ Поленица, поляница—отъ поля: полевать и полеваться—разѣзжать въ полѣ ради подвиговъ. Такъ назывались женщины-наѣздницы, выѣзжавшія въ поле для ратныхъ подвиговъ богатырства.

Тутъ калики потерялся.

Пришли его родители да рожденные,

Пришли они со работы, со крестьянской,

Пришли его братія да родимые,

Да пришли его сестры да любимыя.

Обрадовались ему рожденные да родители.

И съ радости родители опечалились:

Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищѣ,

Не имѣлъ-то онъ ни рукъ, ни ногъ!

Говорить Илья своимъ рожденнымъ родителямъ,

Говорить Илья да таковы слова:

„Ай же вы, мои родители рожденные!

„Гдѣ вы были на крестьянской на работушкѣ?“

А иже отвѣчали его рожденные родители:

„Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илья да
на сѣдалищѣ,

„Не имѣлъ Илей вѣдь ни рукъ, ни ногъ“.

Спросилъ у рожденныхъ родителей:

„А и же вы, мои рожденные родители!

„Гдѣ вы работали крестьянскую работушку?“

Говорятъ ему родители да рожденные:

„Ай же ты, Илей, мы работаемъ лугъ-пѣжню,

„Чистимъ лугъ-пѣжню за три поприща отъ дому“.

„Ай же вы, родители мои рожденные,

„Сведите меня туда да на займище,

„Укажите вы мнѣ мою работушку“.

Привель его родитель да на займище:

„Укажи мнѣ, родитель, по которыхъ мѣстѣ межа“.

Захватилъ Илейко лѣсу-кусту въ пять,

Отрубилъ лѣсы дремучіе по кѣрешку,

Бросилъ на мѣсто на пристойное,

Говорилъ родителю да таково слово:

„А и же ты, мой-то родитель рожденный!

„Полно-ли тебѣ лугъ-пѣжню чистить.

„Простите меня съ рожденнаго со мѣста.

Много разсказывається въ разныхъ былинахъ о походе Илья Муромца, но вотъ что говорится о встрѣчѣ его съ однимъ изъ богатырей *старшихъ*: „Илья, не найдя себѣ равнаго силою, слышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашель одну только, могущую выдержать его гору, и лежитъ на ней. Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашель гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. „Никакъ я зацѣпилъ за сучекъ“, говоритъ богатырь. Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. „Вѣрно я за камешекъ задѣлъ“, говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца и сказалъ ему: „А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; нашель себѣ гору, и лежу на ней“ ¹⁾. Это долженъ быть одинъ изъ тѣхъ богатырей, съ которыми калики запретили Ильѣ сражаться.

Илья Муромецъ

Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,

Бралъ у батюшки, у матушки

Прощеньице-благословеньице,

И поѣхалъ въ раздольице чисто-поле.

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ

На шатеръ бѣлополотняный.

Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,

И въ томъ шатрѣ кровать богатырская немалая:

Долиной кровать десяти сажень,

Шириной кровать шести сажень.

Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,

Легъ на тую кровать богатырскую

¹⁾ Слышано и записано покойнымъ К. С. Аксаковымъ. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. I, приложенія, стр. XXX и XXXI.

И спать-заснулъ.

А сонъ богатырскій крѣпокъ:

На три дня и на три ночи.

На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сиверныя сторонушки:

Мать сыра земля колыбается,

Темны лѣсушки шатаются,

Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.

Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,

Не можетъ разбудить Илью Муромца.

Проязычилъ конь языкомъ чловѣческимъ:

„Ай же ты, Илья Муромецъ!

„Спишь себѣ, проклаждаешься,

„Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:

„Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.

„Ты спущай меня во чисто поле,

„А самъ полѣзай на сырой дубъ“.

Выставалъ Илья на рѣзвы ноги, и т. д.

Видить: Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,

Головой упираетъ подъ облаку ходячую,

На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,

Приѣхалъ богатырь ко сыру дубу,

Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,

Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:

Выходитъ оттоль жена богатырская.

Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ

Не видано и не слыхано:

Ростомъ она высокая,

Походка у ней щепливая (мелкая, щегольская),

Очи яснаго сокола,

Бровушки чернаго соболя, —

Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,

Полагала скатерти бранья,

Ставила на столъ ѣствушки сахарнія,

Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.

Святогоръ, пообѣдавъ, ложится спать въ шатерьъ, а жена его отправляется гулять „по чисту полю“. Замѣтивъ на сыромъ дубу Илью, она приказала ему слѣзть и посадила къ мужу въ карманъ. Святогоръ проснулся, сѣлъ на коня и поѣхалъ ко святымъ горамъ. Дорогою онъ узнаетъ, что въ карманѣ у него сидитъ богатырь, вытаскиваетъ его оттуда и спрашиваетъ, какъ онъ туда попалъ. Илья рассказываетъ ему все по правдѣ. Тогда Святогоръ разсердившись убилъ жену, а съ Ильей обмѣнялся крестомъ и назвалъ меньшимъ братомъ.

Выучилъ Святогоръ Илью

Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,

И поѣхали они къ сивернымъ горамъ,

И наѣхали путемъ-дорогою на великій гробъ,

На томъ гробу подпись подписана:

„Кому суждено во гробу лежать,

„Тотъ въ него и ляжетъ“.

Легъ Илья Муромецъ:

Для него домовище и велико, и широко.

Ложился Святогоръ богатырь:

Гробъ пришелся по немъ.

Говоритъ богатырь таковы слова:

„Гробъ точно по мнѣ дѣланъ.

„Возьми-тко крышку, Илья,

„Закрой меня“.

Отвѣчаетъ Илья Муромецъ:

„Не возьму я крышки, большій братъ,

„И не закрою тебя:

„Шутишь ты шуточку немалую,

„Самъ себя хоронить собрался“.

Взялъ богатырь крышку, и самъ закрылъ ею гробъ:

Да какъ захотѣлъ поднять ю,

Никакъ не можетъ;

Бился онъ и силился поднять,

И проговорилъ Ильѣ Муромцу:

„Ай, меньшій братъ!

„Видно судьбина поискала меня,

„Не могу поднять крышки,

„Попробуй-ка приподнять ю“.

Попробовалъ Илья Муромецъ поднять крышку, да гдѣ ему! Говорить Святогоръ богатырь: „Возьми мой мечъ-кладенецъ и ударь поперекъ крышки“. Ильѣ не подъ силу и поднять Святогорова меча-кладенца. Зоветь его Святогоръ богатырь: „Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ: ядохну на тебя духомъ богатырскимъ“. — Какъ наклонился Илья, идохнулъ на него Святогоръ богатырь своимъ духомъ богатырскимъ: почувалъ Илья, что силы въ немъ противъ прежняго прибавилось втрое, поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки. Отъ того удара посыпались искры, а гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ, на томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная. Зоветь его Святогоръ богатырь: „Душно мнѣ, меньшій братъ, попробуй еще ударить мечемъ вдоль крышки“. Ударилъ Илья вдоль крышки—и тутъ выросла желѣзная полоса. Опять проговорить Святогоръ богатырь: „Задыхаюсь я, меньшій братъ; наклонись-ка ко щелочкѣ, ядохну еще на тебя и передамъ тебѣ всю силушку великую“. Отвѣчаетъ Илья: „Будетъ съ меня силы, большій братецъ, не то земля на себѣ носить не станетъ“. Промолвился тутъ Святогоръ богатырь: „Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ, что не послушалъ моего послѣдняго наказа: ядохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцемъ, а добра коня моего богатырскаго привяжи къ моему гробу. Никто кромѣ меня не совладеетъ съ этимъ конемъ“. Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ; простился Илья съ Святогоромъ, привязалъ его добра коня ко тому ко гробу, опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ, и поѣхалъ въ раздольице чисто поле. (Пѣсни Рыбникова, ч. I, стр. 36—38, 40—42).

II. БОГАТЫРИ МЛАДШІЕ.

А. КІЕВСКІЙ ЦИКЛЪ.

1) Илья Муромецъ.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія:
„Ты пойдѣ, Илья, принеси испить!“
— Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!—
„Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!“
Илья сталъ вставать, ровно встрѣпаннѣй;
Онъ пошелъ, принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Отъ земли столбъ былъ бы до нѣбушки,
Ко столбу было золотѣ кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску ¹⁾ повѣротилъ!—
„Ты пойдѣ, Илья, принеси другу чашу!“
Илья сталъ имъ поднашивать,
Они Ильѣ отворачиваютъ:
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
„Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“
— Во мнѣ силушки половинуска.—
„Проводи, Илья, насъ во чистѣ поле,
„Во чисто поле, къ високу бугру,
„Къ високу бугру, ко раскатисту“.

¹⁾ Святорусскую землю.

На бугрѣ Илья отдохнуть прилегъ,
Богатырскій сонъ на двѣнадцать дѣнь.

—

Пріѣхаль онъ ко камешку ко горячему,
Отъ камешка три розстани,
Три розстани, три дороженьки,
А на камешки какъ было написано:

„Что въ одну дорожку ѣхать—убиту быть,

„Въ другую ѣхать—женату быть,

„А въ третью ѣхать—богату быть“.

Сталь да пораздумался:

„Въ котору ѣхать мнѣ дороженьку?

„Что мнѣ удалому богату быть

„И что мнѣ удалому женату быть,

„А поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть!“

Ѣхаль онъ три часа,

Проѣхаль ровно триста верстъ.

Пріѣзжалъ какъ онъ къ тѣмъ горамъ,

Къ тѣмъ горамъ да къ высокіимъ,

Начали разбойнички съ горъ выскакивати,

Наскакало разбойничковъ сорокъ тысячей,—

Начали удалаго пощалкивать,

Началь удалой казакъ выговаривать:

„Ай же, сорокъ тысячъ разбойниковъ!

„Что вамъ взять у меня у удалаго?

„Нѣтъ у меня многой несчетной золотой казны,

„Нѣтъ у меня прекрасной молодой жены,

„Нѣту у меня платья цвѣтнаго;

„Только у меня добрый конь,

„Добрый конь въ триста рублей,

„На коню приправа во пятьсотъ рублей,

„У себя приправа богатырска въ цѣлу тысячу.

Какъ выдергиваль онъ палицу желѣзную

Во сто девяносто пудъ,

Какъ началъ разбойничковъ пошалкивать,—
Прибилъ онъ разбойничковъ сорокъ тысячей.

Тутъ удалый поворотъ держалъ,
Приѣзжалъ какъ онъ ко камешку ко горячему,
Тую запись поднавливаль,
Что: „Въ ту дорожку ѣздиль—убить не былъ“.
„Поѣду въ тую, гдѣ женату быть!“
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
Проѣхалъ ровно триста верстъ.
Выѣзжалъ какъ онъ на тьи на поля на чистыя,
На чистыя поля, на луга на зеленые,
На тѣхъ-то поляхъ на чистыхъ,
На лугахъ на зеленыхъ,
Стоитъ какъ чудо чудное, диво дивное!
Городомъ назвать,—такъ онъ малъ стоитъ,
А селомъ назвать,—такъ онъ великъ стоитъ;
Стоять тутъ палаты бѣлокаменны.
Приѣзжалъ какъ онъ къ палатамъ на широкъ дворъ,
Какъ съ тѣхъ палатъ бѣлокаменныхъ
Выходила премлада прекрасна Королевична,
Брала удалаго за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарныя,
Проводила въ палаты бѣлокаменны,
Садила за тѣ столы дубовые...

Вмѣсто того, чтобы влюбиться въ королевичну, Илья догадывается, что она чародѣйка. Онъ ее убиваетъ.

Онъ тутъ бралъ золоты ключи,
Шель—отмыкаль погреба онъ глубокіе,
Какъ выпускалъ много удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
Много сильныхъ-могучихъ богатырей.
Какъ тутъ все имѣнье-богачество
Роздалъ удалымъ-добрымъ молодцамъ,
Сильнымъ-могучимъ богатырямъ,
А тѣ палаты бѣлокаменныя огню предалъ.

Тутъ-то удалый поворотъ держаль.
Пріѣзжалъ какъ удалый къ тому же ко камешку,
Тую опять запись поднавливаль:
„Въ ту дорожку ѣздиль—женать не былъ.
„Поѣду во третью дорожку, гдѣ богату быть?“
Ѣхаль онъ три часа,
Проѣхаль триста версть.
Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,
Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,
Насыпаны всѣ краснаго золота,
Краснаго золота, чистаго серебра
И мелко-скачнаго жемчуга.
Онъ говоритъ: „Куда мнѣ удалому съ имѣньищемъ,
„Со многой несчетной золотой казной?“
Сталь да призадумался:
Взяль какъ—на это на имѣньицо,
На тѣхъ на поляхъ на чистыхъ,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повель тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные.
„Чѣе было имѣнье, за того пускай идетъ!“
Тутъ-то удалый поворотъ держаль,
Опять пріѣзжалъ ко тому ко камешку ко горячему,
Опять ту запись поднавливаль:
„Какъ въ тую дорожку ѣздиль—богаты не былъ“.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Ни бумажныи листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкѣмъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
„Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!
„Дай ты мнѣ своё благословеньицо,
„Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ

„Помолиться чудотворцамъ кievскимъ,
„Заложиться за князя Владимира,
„Послужить ему вѣрой-правдою,
„Постоять за вѣру христіанскую“.

Отвѣчаетъ старой крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:

„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
„А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
„Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
„Не помысли зломъ на татарина,
„Не убей въ чистомъ полѣ христіянина“.

Поклонился Илья Муромецъ отцу дѣ земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ во чисто поле.

Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до чѣрна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго.

Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ, колодезь сталъ;
У колодезя срубилъ сырой дубъ,
У колодезя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:

„Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;“

Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ градъ.
Подъ Черниговомъ стоитъ сила—смѣты нѣтъ;
Подъ Черниговомъ стоятъ три царевича,
Съ каждымъ силы сорокъ тысячей.

Богатырско сердце разгорчиво и неумчиво;
Пуще огня-огничка сердце разыграется,
Пуще пляштаго (палящаго) мороза разгорается...

Тутъ возговоритъ Илья Муромецъ таково слово:

„Не хотѣлось было батюшку супротивникомъ быть,

„Еще знать-то его заповѣдь перѣступитъ“.
Беретъ онъ въ руки саблю боѣвую,
Учалъ по силушкѣ погуливать:
Гдѣ повернется—дѣлалъ улицы,
Поворотится—часты площади;
Добивается до трехъ царевичевъ.
Тутъ возгѣворитъ Илья таково слово:
„Охъ вы гой есте, мои три царевича!
„Во полонъ ли мнѣ васъ взять,
„Али съ васъ буйны головы снятъ?
„Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять,
„У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завѣзные;
„А какъ головы снятъ—царски сѣмена погубить.
„Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,
„Вы чините вездѣ такую славу,
„Что святая Русь не пуста стоитъ,
„На святой Руси есть сильны, могучи богатыри“.
Увидалъ его воевода черниговскій:
„Что это Господь сослалъ намъ сослальника!
„Очистилъ нашъ славный Черниговъ градъ“.
Возговоритъ воевода своимъ князьямъ-боярамъ:
„Подите, позовите дѣбра мѣлодца
„Ко мнѣ хлѣба-соли кушати“.
Пошли тутъ князи-бояра къ Муромцу:
„Охъ ты гой еси, дородный, добрый молодець!
„Какъ тебя честнымъ именемъ зовутъ?
„Какъ тебя величаютъ по отечеству?“
„Меня именемъ зовутъ Илейкой,
„А величаютъ—сынъ Ивановичъ“.
Возговорятъ ему князи-бояра:
„Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ!
„Ты пойдешь-ка къ воеводѣ нашему,
„Ты изволь у него хлѣба-соли кушати“.
— „Нейду я къ воеводѣ вашему,
„Не хочу у него хлѣба соли кушати:

„Укажите мнѣ прямую дороженьку
„На славный стольный Кіевъ градъ“.

Какъ далече, далече во чистомъ въ полѣ,
Что ковыль-трава во чистомъ въ полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человекъ,
Старый ли казакъ Илья Муромецъ,
А и конь ли подъ нимъ какъ-бы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не водилося;
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то ему цѣны не было?
Потому-то коню цѣны не было,
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берега на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому, разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
„А и гой есть вы, братцы станишники!
„Убить меня стараго вамъ не за что,
„А взяти у стараго нечего“.
Вымалъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,—
Ему жалко ихъ до смерти убить ¹⁾,—
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,

¹⁾ Этотъ стихъ—изъ другаго варьянта. (Пѣсни Кирѣев. вып. 1, стр. 17).

Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сырѣ кряковистый дубъ,
Изломала въ череня въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежать.
„Ой вы гой еси, добры молодцы, станишники!
„Полноте лежать на сырой землѣ,
„Полноте спать высыпатися:
„По дорогѣ много прошло конныхъ и пѣшихъ,
„У себя вы много добраго упустили“.

Встали добры молодцы
На свои рѣзвы ноги
И пали ему въ рѣзвы ноженъки:
„Ты гой еси, добръ удалый молодець!
„Поди ты къ намъ во товарищи,
„И будь ты у насъ атаманушкой“.
Возговорить добрый молодець
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Не хочу я съ вами стада пасти,
А ѣду въ Кіевъ градъ,
Къ Володимеру Князю на вспоможеніе,
На его сбереженіе.

Ѣхаль удалый по чисту полю,
Стоитъ столбъ бѣлодубовый,
На столбѣ есть подпись подписана:
„Прямо Ѣхать—только пятьсотъ верстъ,
„А на околь-то Ѣхать—семьсотъ верстъ“.
Смотритъ Илья на эту подпись-то:
„Какъ прямо Ѣхать—живу не бывать;
„Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному,
„Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ,
„Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ“,
Стоитъ Илья, пораздумался:

„Прямоѣзжая дорога переломана,
„Калиновы мосточки переворочены:
„Не честь мнѣ, хвала молодецкая
„Ѣхать той дорожкой окольной;
„А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжею“.
Скоро спущался онъ съ добра коня,
Рукой онъ коня повель,
А другой онъ началъ мосты мостить,
Тыи мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Приѣзжаетъ Ильюша къ сырмъ дубамъ:
Сидитъ Соловей-разбойникъ на семи дубахъ, и т. д.
Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
Замызгалъ собака по собачьему:
Туть-то у Ильи у Муромца
Его добрый конь на колѣнки палъ
Отъ того отъ крику отъ звѣринаго, и т. д.
Бьетъ онъ коня промежу уши;
По тымъ еще по тугимъ ребрамъ:
„Ахъ ты волчья сыть ¹⁾, травяной мѣшокъ!
„Развѣ не слыхалъ ты крику звѣринаго, и т. д.
Самому молодцу не дойдетъ сидѣть:
Скоро натянулъ онъ тугой лукъ,
Кладывалъ-то онъ стрѣлочку каленую.
Стрѣлилъ-то онъ Соловья разбойника:
Стрѣлилъ-то онъ его во правой глазъ,
А вышла стрѣла во лѣво ухо:
Палъ туть Соловей на сыру землю.
Взималъ-то онъ Соловья разбойника,
Пристегивалъ ко стремени черкасскому,
Повезъ-то онъ Соловья съ собой его.
Ѣдетъ мимо Соловьиное помѣстьеце:

¹⁾ Т. е. волчій кормъ (чѣмъ волкъ сытъ)—волкъ тебя ѣшь.

Увидятъ Соловьиныя дѣтушки,
Смотрятъ въ окошечко косявчето,
Сами они воспроговорятъ таково слово:
„Нашъ-то батюшка чужаго мужика везетъ“.
Увидитъ Соловьиная молода жена,
Во окошечко по поясъ бросалася,
Смотритъ въ окошечко косявчето,
Сама она воспроговоритъ таково слово:
„Чужой-то мужикъ везетъ вашего батюшку“.
Похватали они тутъ шалыги подорожнія.
Она имъ воспроговоритъ таково слово:
„Не взымайте шалыгъ подорожніхъ,
„Не васъ-то стѣбитъ вашъ батюшка,
„А попалъ во стремяна во Черкасскія!
„А лучше насыпьте чашу красна золота,
„А другую насыпьте чиста серебра,
„А третью чашу скатна жемчуга,
„Приходите съ разговоромъ-прелестью,
„Улещите мужика, уговаривайте“.
Тутъ они бросили шалыги подорожнія,
Насыпали чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И приходятъ съ честью-прелестью,
Улещаютъ Илью, уговариваютъ:
„Ай же ты, удалый, добрый молодець.
„Отдай-ка намъ батюшку,
„А на-тко тебѣ злата и серебра!“
Принималъ онъ эти подарочки великіе,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ;
„Это, братцы, мое заработчье,
„А не отдамъ я вашего батюшку:
„Онъ будетъ опять разбой держать“.
Поѣхалъ Илья ко городу ко Кіеву,
Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христовьскія.

А не могъ поспѣть къ обѣденькѣ Христосьскія.
Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
На широкій дворъ княженецкій,
Ко тому ко столбу ко точеному
Привязывалъ ко кольцу ко золоченому,
Не разсѣдывалъ коня и не разнуздывалъ,
Скоро онъ шель по новымъ сѣнямъ,
Заходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ хлѣбницу князя Владиміра:
„Гдѣ есть князь Владиміръ стольно-Кіевскій?
— Князь Владиміръ къ обѣднѣ шёлъ.—
Садился онъ на лавочку брусовую,
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольно-Кіевскій
Отъ тья обѣденьки Христосьскія.
Тутъ оны здоровье сдѣяли,
Другъ друга здравствуютъ:
— Здравствуешь, удалый добрый молодець!
Не знаю тебѣ ни имени, ни отчины:
Царь ли ты, царевичъ ли,
Король ли ты, королевичъ ли?—
„Есть я изъ города изъ Муромля,
„Старый казакъ Илья Муромецъ“.
Сѣли оны за столъ хлѣба кушати,
Бѣлы лебеди рушати.
Поразговорился Ильюша, порасхвастался:
„Поѣзжалъ я, добрый молодець,
„Во тую субботу во Христосьскую,
„Хотѣлъ поспѣть къ заутрени Христосьскія,
„А не могъ поспѣть и къ обѣднѣ Христосьскія:
„Обѣдня была на отходѣ здѣ.
„Поѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею.
„Пріѣзжалъ я ко сыримъ дубамъ:
„Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,

„Захватываетъ злодѣй онъ на семи верстахъ.
„Закричалъ какъ Соловей по звѣриному,
„Засвисталъ злодѣй по соловьиному,
„Замызгалъ собака по собачьему:
„Тутъ мой добрый конь на колѣнки палъ.
„Скоро я натянулъ тугій лукъ,
„Кладывалъ то стрѣлочку каленую,
„Стрѣлилъ то Соловья разбойника,
„Стрѣлилъ то злодѣя во правый глазъ,
„А вышла стрѣла во лѣво ухо:
„Паль тутъ Соловей на сыру землю.
„Взималъ то я Соловья разбойника,
„Пристегивалъ ко стремени Черкасскому,
„Повезъ то злодѣя съ собой его“.
— „А видно, ты, удалый добрый молодецъ,
„А былъ на царевомъ большомъ кабакѣ!
„Не напился ли зелена вина,
„Не пустымъ ли, добрый молодецъ, хвастаешь?“
— „Ахъ же, дурень, князь стольно-кѣвскій!
„У меня Соловей разбойникъ у стремени у черкасскія“.
Какъ тутъ-то они всѣ пометалися,
Пометалися они, покидалися,
Бѣжать да трутъ ¹⁾ промежу собой:
Прибѣжали какъ къ Соловью разбойнику,
Сами говорятъ, кричатъ ему:
„Ахъ ты, Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ!
„Кричи-тко, Соловей, по звѣриному“, и т. д.
Говоритъ Соловей разбойникъ сынъ Рахматовичъ:
„Не ваше я пью-ѣмъ-кушаю,
„И не васъ хочу и слушати“.
Скоро они поворотъ держатъ,
Приходятъ къ Ильѣ Муромцу,
Клонятся всѣ они, молятся:

¹⁾ Отъ корня *тр*—послѣшить; отсюда: туркій — послѣшный, турить — гнать, туриться—слѣшить.

— „Ай же ты, Илья Муромецъ!

„Позволь ты Соловью-то разбойнику

„Закричать Соловью по звѣрному“, и т. д.

Онъ говоритъ-промолвить таково слово:

„Ай же ты, князь стольно-кїевскїй!

„Теперь у него уста запечатаны,

„Запеклись уста кровью горячею:

„Стрѣлень у меня во правый глазъ,

„Вышла стрѣла во лѣво ухо.

„Налейте ему чашу зелена вина,

„Вѣсомъ чашу полтора пуда,

„Мѣрой чашу полтора ведра“.

Налили ему чашу зелена вина, и т. д.

Принесли къ Соловью-разбойнику.

Принималъ онъ чашу единой рукой,

Выпивалъ чашу за единый вздохъ,

Самъ говорилъ таково слово:

„Другу чашу налейте пива пьянаго,

„Чтобы вѣсомъ чаша въ полтора пуда и т. д.

„Третью чашу меду сладкаго, и т. д.

Наливали ему чашу пива пьянаго

И наливали ему чашу меда сладкаго,

Принималъ онъ чашу единой рукой, и т. д.

Тутъ то Соловей пьянъ сталъ.

Проговорить Илья Муромецъ:

„Ай же ты, Соловей сынъ Рахматовичъ:

„Кричи, разбойникъ, по звѣрному“, и т. д.

Закричалъ Соловей по звѣрному, и т. д.

Князи, бояре всѣ мертвы лежатъ;

А Владиміръ князь стольно-кїевскїй

Заходилъ раскорякою,

Ходитъ князь, Ильѣ молится:

„Уйми Соловья разбойника,

„Чтобъ не свисталъ по соловьиному!

„Оставь мнѣ бояръ хоть на сѣмена“!

Что по край было снѣ моря,
 На богатырской на заставѣ,
 Стояли тутъ пять богатырей:
 Первой: Илья Муромецъ,
 Второй: Колыванъ сынъ Ивановичъ,
 Третій: Самсонъ Васильевичъ,
 Четвертый: Добрыня Никитичъ младъ,
 А пятый: Алеша Поповичъ.
 Не пропускали они ни коннаго,
 Ни коннаго и ни пѣшаго,
 Ни царскаго, ни боярскаго;
 Ни звѣря рыскачаго,
 Ни птицы летучей.
 Младъ ясенъ соколъ летить—
 Перо выронить;
 Добрый молодецъ бѣжитъ—
 Головой вершить ¹⁾.
 На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
 На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ-то солнца яснаго,
 Отъ сна Илья пробуждается.
 Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
 Пошелъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
 На Днѣпръ-рѣку умыватися,
 А самъ смотритъ—во чисто поле.
 Завидѣлъ онъ добра молодца,
 Подъ молодецъ конь какъ бы лютый звѣрь,
 На конѣ молодецъ, какъ ясенъ соколъ;
 Хороша управа ²⁾ молодецкая,
 Хороши доспѣхи богатырскіе.
 По праву руку летитъ ясенъ соколъ:
 Въ рукахъ держитъ молодецъ трегра—перо ³⁾.

¹⁾ *Вершить*—кончать начатое дѣло; *головой вершить*—жизнь покончить.

²⁾ Посадка.

³⁾ Подъ этимъ должно разумѣть или *опахало*, или *вабило*, чѣмъ манять сокола.

Сквозь пера не видно лица бѣлаго.

Не могъ признать Илья добра молодца.

Приходилъ Илья ко бѣлымъ шатрамъ,

Выходилъ Илья среди круга.

Говорилъ онъ таковы слова:

„Братцы вы мои, товарищи!

„Кто изъ васъ удалѣе всѣхъ?

„У кого конь порыскачѣ

„Бѣжать за удалымъ добрымъ молодцемъ,

„Разспросить его о дѣдинѣ, отчинѣ,

„И чей такой добрый молодець?

„Царь или царевичъ,

„Король или королевичъ,

„Или русскій могучій богатырь?

„Если русскій богатырь—то побрататься,

„А невѣрный—поразвѣдаться“.

Отвѣтъ доржить Алеша Поповичъ:

„Я, братцы, поудалѣе всѣхъ,

„У меня конь порыскачѣ“.

Побѣжалъ Алеша за добрымъ молодцемъ:

Бѣжалъ онъ день до вечера,

Темную ночь до бѣла свѣта.

Догоняетъ онъ добра молодца

На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,

На восходѣ солнца яснаго;

Кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:

„Ты постой, постой, добрый молодець!

„Ты или русскій богатырь,

„Или засельщина-деревенщина;

„Ты или коня укралъ, или мужика убилъ,

„А сюда заѣхалъ, хвастаешь,

„Чужимъ именемъ называешься“?

Тутъ-то Бориску за бѣду стало,

За великую досаду показалось;

Поворачивалъ коня какъ люта звѣря,

На встрѣчу къ Алешѣ Поповичу;
 Береть Алешу за бѣлы руки,
 Снимаетъ его съ добра коня,
 Вынимаетъ шелепугу ¹⁾ подорожную,
 Стегаль онъ Алешу Поповича
 И садилъ его на добра коня.
 Ъдетъ Алеша пьянъ, шатается,
 Къ сѣдельной лукѣ приклоняется.
 Завидѣлъ Алешу Ильѣ Муромецъ:
 „Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказываль,
 „Не пей ты зелена вина,
 „Не ѣшь сладки кушанья“.
 Отвѣчаетъ Алеша Ильѣ Муромцу:
 „Радъ бы я не пить зелена вина
 „И не ѣсть сладки кушанья:
 „Напоилъ-то меня добрый молодецъ до пьяна,
 „Накормилъ онъ меня дѣ сыта
 „Той шелепугой подорожною“.
 Хваталъ тутъ Ильѣ своего коня,
 Побѣжалъ онъ за добрымъ мѡлодцемъ:
 Бѣжалъ онъ день до вечера:
 Нагналъ его на разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ солнца яснаго.
 Ударились они палицами боѣвыми;
 Палицы ихъ разгоралися,
 Въ рукахъ изломалися.
 Скакали они съ добрыхъ коней,
 Схватывались они за бѣлы руки.
 Тутъ-то Бориско на носокъ востѣръ ²⁾.
 Сшибалъ Ильѣю на сыру землю
 И садился ему на бѣлы груди,

¹⁾ Отъ *шлепать*—плеть съ обвязанной пудей; кистень, палица (Пѣсни Кир., вып. I, стр. 9, выноска).

²⁾ Довокъ въ борьбѣ на носокъ.

Говорилъ Ильѣ таковы слова:

„Ты базыга, базыга ¹⁾ старая!

„Зачѣмъ ты на малаго отрока напущаешься?“

Береть его Илья на бѣлы руки,

Стаетъ на рѣзвы ноги,

Металь его выше дерева стоячаго,

Ниже облака ходячаго,

Подхватываль его на руки.

Тутъ-то Бориско приужахнулся,

Говорилъ онъ таковы слова:

„Ты охота, охота молодецкая!

„Полетай-ко, охота ²⁾, къ моей матушкѣ,

„Спроси-ко у ней, какъ съ Ильей перевѣдаться?“

— „Говорила я тебѣ, дитя, наказывала,

„Гдѣ ты съ Ильей съѣдешься,—

„Только ты ему низко кланяйся:

„По роду тебѣ онъ отецъ родной“.

Приѣзжалъ идолище поганое въ стольно-Кіевъ градъ,

Со грозою, со страхомъ со великіимъ,

Ко тому ко князю ко Владиміру,

И становился онъ на княженецкій дворъ,

Посылалъ посла ко князю ко Владиміру,

Чтобы князь Владиміръ стольно-кіевскій

Ладилъ бы онъ ему поединщика,

Супротивъ его силушки супротивника.

Приходилъ посланникъ ко Владиміру,

И говорилъ посланникъ таковы слова:

„Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!

„Ладь-ка ты поединщика во чисто-поле,

„Поединщика и супротивничка съ силушкой великою,

„Чтобы могъ онъ съ идолищемъ поправиться“.

Тутъ Владиміръ князь ужахнулся,

¹⁾ Хрычь.

²⁾ Т. е. принадлежность охоты—соколъ.

Приужахнулся да и закручинился.

Говоритъ Илья таковы слова:

„Не кручишься, Владиміръ, не печалуйся:

„На бою мнѣ-ка смерть не написана,

„Поѣду я въ раздольице чисто поле

„И убью-то я идолища поганого“.

Обуль Илья лапотики шелковые,

Подсумокъ одѣль онъ черна бархата,

На головушку надѣль шляпку земли греческой

И пошелъ онъ ко идолищу къ поганому.

И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:

Не взялъ съ собой палицы булатнія

И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;

Идетъ-то дорожкой—пораздумался:

„Хошь иду-то я къ идолищу поганому,

„Ежели будетъ не пора мнѣ-ка, не времячко,

„И съ чѣмъ мнѣ съ идолищемъ будетъ поправиться?“

На тую пору на то времячко

Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,

Несетъ въ рукахъ клюху девяноста пудъ.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Уступи-тко мнѣ клюхи на времячко, —

„Сходитъ мнѣ къ идолищу къ поганому?“

Не даетъ ему каличище Иванище,

Не даетъ ему клюхи своей богатырскойей.

Говорилъ ему Илья таковы слова:

„Ай же ты, каличище Иванище!

„Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

„Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана, —

„Я тебя убью, мнѣ клюха и достанется“.

Разсердился каличище Иванище:

Здынулъ эту клюху выше го́ловы,

Спустилъ онъ клюху во сыру землю,

Пошелъ каличище—заворыдалъ.

Илья Муромецъ едва досталь клюху изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну

Ко этому идолищу поганому,

Пришелъ къ нему и проздравствовалъ,

Говориль ему Идолище поганое:

„Ай же ты, калика перехожая!

„Какъ великъ у васъ богатырь Илья Муромецъ?“

Говорить ему Илья таковы слова:

„Толь великъ Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

„По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,

„По многу ли Илья вашъ пива пьеть?“

Говорить Илья таковы слова:

„По стольку ѣсть Илья, какъ и я,

„По стольку пьеть Илья, какъ и я“.

Говорить ему Идолище поганое:

„Экой вашъ богатырь Илья:

„Я вотъ по семи ведръ пива пью,

„По семи пудъ хлѣба кушаю“.

Говориль ему Илья таковы слова:

„У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,

„У него была корова ѣдучая:

„Она много пила-ѣла и лопнула“.

Это идолищу не слюбилось:

Схватиль свое кинжалище булатное

И махнулъ онъ въ калику перехожую

Со всея со силушки великія.

И пристранился Илья Муромецъ въ сторонущку мале-
шенку,

Пролетѣлъ его мимо-то булатній ножъ,

Пролетѣлъ онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.

У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,

Схватиль съ головушки шапку земли греческой,

И ляпнулъ онъ въ идолище поганое,

И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскихъ богатырей
И на всю поленицу удалую,
А забылъ позвать стараго козака Илью Муромца.
Тутъ Ильюшенькѣ стало зарко:
Скоро онъ натянулъ тугой лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ, да по чуднымъ крестамъ,
По тыпимъ маковкамъ золоченымъ.
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову зычнымъ голосомъ:
„Ахъ вы голь кабацкая, доброхоты царскіе!
„Ступайте пить со мной за одно зелена вина,
„Обирать-то маковки золоченыя“.
Тутъ-то пьяницы, голь кабацкая,
Бѣжатъ, прискакиваютъ, радуются:
„Ахъ ты отецъ нашъ, родный батюшка!“
Пошли обирать о царевъ кабакъ,
Продаваютъ маковки золоченыя,
Берутъ золоту казну безсчетную
И начали пить зелена вина.
Видитъ князь Владиміръ стольно-кіевскій,
Что пришла бѣда неминучая,
Сдѣлалъ другожды почестенъ пиръ
Для того для стараго казака Ильи Муромца.
Тутъ они думу думаютъ,
Кого послать Илью позвать,
Стараго козака Илью Муромца.
Тутъ-то они думу думали,
Послали-то Добрыню Никитича:
Они были братьица крестовые,
У нихъ крестами побраталось,
Кладена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны,—

Слушать большому брату меньшаго,
А меньшему брату большаго.

Приходить Добрыня Никитичъ:

„Ай же братецъ крестовый названный,

„Старый казакъ Илья Муромецъ!

„У насъ кладена заповѣдь великая,

„У насъ подписи были подписаны,—

„Слухать большому брату мѣньшаго,

„А меньшему брату большаго,

„А дружка за дружку обѣмъ стоять“.

Тутъ Ильюша вопроговорить:

„Ай же, братецъ крестовый названный,

„Молодой Добрынюшка Никитиничъ!

„Кабы не ты, никого бы не послушалъ,

„Не пошелъ бы на почестень пирь.

„А нельзя законъ переступить“.

Тутъ они сокручилися, (одѣлись)

Тутъ они снаряжались,

Пришли тутъ ко князю ко Владиміру

Во тую во гридню во столовую.

Тутъ даютъ Ильѣ мѣсто не меньшее,

Даютъ Ильѣ мѣсто большее,

Сажаютъ молодца въ большо-уголь,

Да несли они чару зелена вина,

Другую рядили къ нему меду пьянаго.

Говорить Илья таково слово:

„Ай же ты, Владиміръ стольно-кіевскій!

„Зналъ кого послать меня позвать!

„Кабы не братецъ крестовый названный,

„Никого я не послухалъ бы.

„А было намѣреніе наряжено:

„Натянуть тугой лукъ разрывчатый,

„А класть стрѣлочка каленая,

„Стрѣлить во гридню во столовую,

„Убить тебя, князя Владиміра,

„Со стольною княгиней съ Опраксіей.
„А нонѣ тебя Богъ проститъ
„За эту за вину за великую!“

2) Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алёшинька Поповичъ младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили, гуляли по чисту полю.
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскачаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежду тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Возговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
„А и ты, братецъ Екимъ Ивановичъ,
„Въ грамотѣ поученой человѣкъ!
„Посмотри на камению подписи,
„Что на камению подписано?“
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на камению подписи,
Росписаны дороги широкія:
Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко граду ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
„А и братецъ Алеша Поповичъ младъ!